

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОТНОШЕНІЯ.

§ 51. Общая характеристика.

Содержаніе государственнаго отношенія, какъ отношенія юридическаго, складается изъ правъ и обязанностей его участниковъ, какъ субъектовъ государственнаго отношенія. Содержанія государственнаго отношенія не составляютъ права и обязанности, принадлежащія гражданамъ, какъ субъектамъ другихъ юридическихъ отношеній — отношеній гражданскихъ. Не составляютъ содержанія государственнаго отношенія и права гражданской свободы, потому что въ обладаніи этими правами выражается не участіе личности въ государственномъ общеніи, а, наоборотъ, противоположеніе личности или общественнаго союза, съ ихъ особыми, самостоятельными интересами государству.

Права, составляющія содержаніе государственнаго отношенія, суть права на государственную власть и, соответственно съ этимъ, обязанности, падающія на субъектовъ государственнаго отношенія, суть обязанности подчиненія власти.

Право на государственную власть, какъ и на всякій другой объектъ, можетъ имѣть двойное содержаніе: оно можетъ заключаться или въ пользованіи властью, или въ распоряженіи ею. Распоряженіе состоитъ въ опредѣленіи цѣлей дѣятельности власти и способовъ ихъ осуществленія, въ приспособленіи власти въ осуществленію этихъ цѣлей. Пользованіе — въ осуществленіи своихъ интересовъ съ помощью такъ или иначе приспособленной власти. Когда кто въ составѣ парламента участвуетъ въ

изданіи закона, въ составѣ суда — въ постановкѣ приговора, въ составѣ правительственнаго учрежденія, въ принятіи административной мѣры, — во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто распоряженіе властью, такъ какъ законъ, судебное рѣшеніе, административное распоряженіе опредѣляютъ, какъ должна дѣйствовать государственная власть. Когда же лицо посредствомъ судебного иска возстановляетъ свои нарушенныя права, или чрезъ государственныя почтовые учрежденія пересылаетъ свою корреспонденцію, во время неурожая получаетъ продовольственную ссуду, проводитъ свои суда чрезъ содержимые государствомъ шлюзы, и т. п. — оно пользуется содѣйствіемъ государственной власти для осуществленія своихъ интересовъ.

Права пользованія властью предоставляются не однимъ подданнымъ, но и иностранцамъ. Пока они находятся въ предѣлахъ государства, они не только подчиняются мѣстной власти, но и пользуются ея покровительствомъ и содѣйствіемъ. Напротивъ, права распоряженія властью или права политическія составляютъ исключительную принадлежность однихъ только подданныхъ. Иностранцы имѣть ихъ не могутъ.

Права пользованія содѣйствіемъ государственной власти чрезвычайно разнообразны. Ихъ содержаніе и объемъ опредѣляются кругомъ задачъ, осуществленіе которыхъ принимаетъ на себя государство. Ближайшій ихъ анализъ составляетъ содержаніе особой отрасли публичнаго права — права административнаго или, какъ у насъ называютъ, по примѣру старой начала настоящаго столѣтія нѣмецкой литературы, полицейскаго права. Въ курсѣ государственнаго права достаточно будетъ ограничиться въ этомъ отношеніи лишь самыми общими указаніями.

Всѣ находящіеся на государственной территоріи подданные и иностранцы имѣютъ право пользоваться покровительствомъ и содѣйствіемъ государственной власти, а подданные сохраняютъ это право и во время нахожденія за предѣлами государства, гдѣ органами ихъ отечественной власти служатъ дипломатическія миссіи и консульскія учрежденія. Такъ какъ это есть именно право, то не только можно пользоваться фактически содѣйствіемъ органовъ власти, но можно и требовать предоставленія такого пользованія. Если же органы власти не выполняютъ этой обязанности, или выполнять не надлежащимъ образомъ, то можно обжаловать ихъ дѣйствія высшимъ органамъ въ формѣ иска. Всякій искъ, уголовный, гражданскій, административный, предполагаетъ, какъ необходимое свое условіе, нарушеніе права. Но можетъ быть и такъ, что дѣйствія органовъ власти вполне согласны съ зако-

номъ, не нарушаютъ никакихъ правъ, но вредятъ интересамъ частныхъ лицъ. Въ такомъ случаѣ можно просить о томъ, чтобы эти интересы также были приняты въ соображеніе и по возможности соблюдены, чтобы для этого былъ измѣненъ сообразно образъ дѣйствія органовъ власти или даже измѣнены самыя существующія узаконенія, если при сохраненіи ихъ соблюденіе данныхъ интересовъ невозможно. Жалобы этого рода, имѣющія своимъ основаніемъ нарушеніе не правъ, а только интересовъ, и называются собственно жалобами въ отличіе отъ иска.

Права политическія составляютъ исключительную принадлежность однихъ только подданныхъ государствъ. Но и подданные не всѣ пользуются политическими правами. Вездѣ существуютъ въ этомъ отношеніи большія или меньшія ограниченія. Женщины, лица, не достигшія опредѣленнаго возраста, лица опороченныя по суду, лица, пользующіяся общественнымъ призрѣніемъ, обыкновенно лишаются политическихъ правъ. Иногда эти ограниченія распространяются также на лицъ, не платящихъ прямыхъ налоговъ, не имѣющихъ опредѣленнаго минимума имущества или имущества недвижимаго, неграмотныхъ. Такое отсутствіе политическихъ правъ у нѣкоторыхъ подданныхъ приводитъ къ различію подданныхъ и гражданъ, или пассивныхъ и активныхъ гражданъ. Подданными, или пассивными гражданами, называютъ не имѣющихъ политическихъ правъ; гражданами, или активными гражданами — имѣющихъ ихъ. Впрочемъ, активные граждане не составляютъ въ составѣ населенія государства опредѣленной, обособленной группы подданныхъ, такъ какъ условія предоставленія политическихъ правъ весьма разнообразны для различныхъ категорій этихъ правъ. Часто бываетъ такъ, что одно и то же лицо имѣетъ право участвовать въ парламентскихъ выборахъ и не имѣетъ права голоса на выборахъ мѣстныхъ или на оборотъ.

Политическія права, какъ права распоряженія властью, соединяются всегда съ обязанностью. Дѣло въ томъ, что государственная власть должна служить общимъ интересамъ, потребностямъ цѣлаго народа. Поэтому, никто не можетъ распоряжаться ею въ своемъ личномъ интересѣ. Каждый, получающій право распоряженія долею государственной власти, долженъ осуществлять это право не въ своемъ исключительномъ интересѣ, а въ интересѣ другихъ, въ общемъ интересѣ. Осуществленіе же какого бы то ни было права въ чужомъ интересѣ необходимо придаетъ ему характеръ обязанности. Въ силу присущаго имъ элемента обязанности, политическія права всегда условны. Осуществлять ихъ можно лишь ради того общественнаго интереса, въ

виду котораго они установлены. Поэтому въ осуществленіи политическихъ правъ не можетъ быть той свободы, какъ въ осуществленіи правъ гражданскихъ, чуждыхъ элемента обязанности, не имѣющихъ условнаго характера. Право собственности каждый можетъ осуществлять, какъ онъ знаетъ, можетъ вовсе не осуществлять, можетъ передать другому за деньги или безмездно. Совсѣмъ другое дѣло—права политическія. Ими нельзя пользоваться въ личномъ, напр., корыстномъ интересѣ. Избиратель, гласный, судья не могутъ продавать свои голоса. По общему правилу, нельзя также оставлять политическія права неосуществленными. Пользованіе ими по правилу составляетъ обязанность. Судья не только можетъ, но и обязанъ судить. Полиція не только имѣетъ право на санитарныя, на примѣръ, мѣры, но и обязана ихъ принимать. Какъ исключеніе изъ этого правила, факультативный характеръ имѣютъ лишь тѣ политическія права, которыя предоставляются совмѣстно большому числу лицъ, такъ что если нѣкоторыми изъ нихъ права эти и не будутъ осуществлены, они не останутся все-таки неосуществленными. На примѣръ, если хотя бы значительная часть избирателей не подала голоса, выборы все-таки осуществляются подачей голосовъ остальныхъ избирателей. Такой же случай, чтобы всѣ избиратели воздержались отъ голосованія, практически невозможенъ при сколько-нибудь большомъ числѣ избирателей. Напротивъ, когда политическое право предоставляется одному или немногимъ лицамъ, осуществленіе его тогда признается обязательнымъ, потому что иначе, въ зависимости отъ случайнаго каприза отдѣльнаго органа, могла бы остановиться необходимая дѣятельность власти.“

Политическія права такъ же разнообразны, какъ разнообразны могутъ быть формы и степень вліянія отдѣльныхъ личностей на направленіе дѣятельности государственной власти, отъ монарха, имѣющаго рѣшающій голосъ во всѣхъ вопросахъ государственной жизни, до избирателя, вліяніе котораго ограничивается подачей на выборахъ одного голоса въ общемъ числѣ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ, а иногда и нѣсколькихъ миллионовъ голосовъ. Отдѣльные виды политическихъ правъ будутъ подробнѣе рассмотрѣны ниже. Здѣсь мы ограничимся лишь общей ихъ группировкой.

По степени интенсивности политическія права могутъ быть сведены въ двумъ категоріямъ. Они могутъ быть, во-первыхъ, правами непосредственнаго участія въ распоряженіи дѣятельностью государственной власти. Таковы права монарха, президента республики, членовъ парламента, должностныхъ лицъ. Это высшая степень политическихъ правъ. Другую, низшую степень

составляютъ права избранія или назначенія лицъ, призываемыхъ уже къ непосредственному участию въ распоряженіи государственною властью.

По своей формѣ права политическія могутъ быть или положительныя, или отрицательныя, т.-е. могутъ заключаться или въ правѣ дѣйствовать, или только въ правѣ останавливать дѣйствія другихъ, въ правѣ налагать свое вето.

Кромѣ этого, политическія права бываютъ самостоятельными и производными. Самостоятельныя принадлежатъ субъекту по личному праву, въ силу того, что онъ удовлетворяетъ опредѣленнымъ въ законѣ условіямъ. Никто другой не предоставляетъ ему этихъ правъ. Они присвоиваются ему прямо силою закона. Таковы права наслѣдственныхъ монарховъ, наслѣдственныхъ членовъ верхней палаты, права избирателей. Всѣ эти лица ни отъ кого другого въ государствѣ не получаютъ своихъ правъ. Права производныя, напротивъ, устанавливаются въ отношеніи къ каждому отдѣльному лицу дѣйствіями другихъ лицъ, направленными именно на установленіе этихъ правъ. Таковы права выборныхъ членовъ парламента, или земскихъ гласныхъ, получающихъ свое право не непосредственно въ силу постановленій закона, а въ силу акта избранія ихъ избирателями. Таковы же права должностныхъ лицъ, получающихъ свои права въ силу акта назначенія на должность.

Обязанности, составляющія "содержаніе государственнаго отношенія, всѣ сводятся къ обязанности подчиненія распоряжающимися государственною властью. Подчиненіе же предполагаетъ, во-первыхъ, собственно повиновеніе, во-вторыхъ — содѣйствіе власти. Повиновеніе требуетъ исполненія заповѣдей и предписаній органовъ власти. Содѣйствіе заключается частью въ личномъ содѣйствіи (воинская повинность, обязательная служба, исполненіе обязанности свидѣтеля и т. п.), частью въ предоставленіи правительству матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для государственной дѣятельности (платежъ налоговъ).

Конечно, обязанность повиновенія ¹⁾ объемлетъ собою множество разнообразныхъ обязанностей, вытекающихъ изъ уголовного, финансоваго, административнаго законодательства. Но перечислять здѣсь эти отдѣльныя обязанности подданныхъ значило бы

¹⁾ Mohl. Geschichte und Literatur, I. Die Literatur über den bloß verfassungsmässigen Gehorsam, SS. 320—334. Bluntschli. Staatsrecht, SS. 679—690. Stahl. Philosophie des Rechts, III, SS. 541—564. Gareis. Staatsrecht, SS. 144—150. Laband. Staatsrecht, I, 131—141. Rönne. Staatsrecht, II. 212—260. Seydel. Bayrisches Staatsrecht, I, 558—568. Куплеваскій. Государственная служба, 237—264.

внести въ государственное право изложеніе всего законодательства. Если же ограничиться общими рубриками, дѣло сведется къ лишеннымъ всякаго практическаго значенія, неопредѣленнымъ формуламъ, напоминающимъ скорѣе нравственные совѣты, нежели юридическіе принципы ¹⁾).

Этимъ и объясняется неудача сдѣланныхъ въ нѣкоторыхъ конституціяхъ попытокъ дать общее опредѣленіе обязанностей подданныхъ. Первый примѣръ этому подала французская конституція 5 фрuctидора III года (22 августа 1795 г.). „Всѣ обязанности, говорится въ ней, человека и гражданина вытекаютъ изъ слѣдующихъ двухъ принциповъ, вѣзанныхъ природой во всѣ сердца: не дѣлайте другимъ того, чего вы не хотите, чтобы вамъ дѣлали; дѣлайте постоянно другимъ добро, которое вы хотите, чтобы вамъ дѣлали. Обязанности каждаго въ отношеніи къ обществу состоятъ въ его защитѣ, въ службѣ ему, въ жизни, согласной съ законами, и уваженіи его органовъ. Никто не можетъ быть добрымъ гражданиномъ, не будучи добрымъ сыномъ, добрымъ отцомъ, добрымъ братомъ, добрымъ другомъ, добрымъ супругомъ. — Каждый гражданинъ долженъ служить отечеству и охраненію свободы, равенства и собственности каждый разъ, когда законъ того требуетъ“. Подобныя же опредѣленія обязанностей включены и въ конституціи Цизальпинскую и Лигурійскую. Въ послѣдней вмѣняется гражданамъ въ обязанность служить отечеству, даже жертвуя своимъ имуществомъ и жизнью.

Французскія конституціи, слѣдовавшія за конституціей III года, не даютъ опредѣленія обязанностей и только конституція 1848 г. снова возвращается къ этой идеѣ, постановляя въ ст. VII своего введенія, что „граждане должны любить отечество, служить республикѣ, защищать ее цѣною жизни, нести государственныя повинности сообразно своему состоянію; они должны обезпечить себѣ трудомъ средства существованія и позаботиться о средствахъ на будущее; они должны содѣйствовать общему благосостоянію, помогая другъ другу, и общему порядку, соблюдая законы нравственные и писанные, управляющіе обществомъ, семействомъ и индивидомъ“.

Изъ дѣйствующихъ конституцій весьма немногія содержатъ опредѣленія обязанностей подданныхъ и то ограничиваются ука-

¹⁾ Лабандъ на ряду съ обязанностью повиновенія признаетъ еще обязанность вѣрности. Но обязанность быть вѣрнымъ государству сводится къ обязанности ничего не предпринимать во вредъ ему, потому, конечно, что государство этого требуетъ. Выполненіе же этого требованія, какъ и всякаго другого, подходитъ подъ понятіе повиновенія.

занієм на обязанность исполнять государственныя повинности, въ особенности воинскую ¹⁾).

Но если въ государственномъ правѣ нельзя ближайшимъ образомъ опредѣлить содержаніе общей обязанности повиновенія, это еще не значитъ, чтобы понятіе этой обязанности вообще не могло быть нами подвергнуто анализу. Такой анализъ возможенъ и въ курсѣ государственнаго права, но только не со стороны внутреннего содержанія, а со стороны вѣдѣнныхъ границъ повиновенія. Въ чемъ именно долженъ повиноваться подданный власти — это излагается въ административномъ, финансовомъ, уголовномъ правѣ; но каковы вообще предѣлы должнаго повиновенія — это вопросъ государственнаго права.

Такъ какъ государственное общеніе есть юридическое отношеніе, и взаимное соотношеніе его участниковъ регулируется юридическими нормами, то предѣлы повиновенія подданныхъ опредѣляется тѣмъ, что повиновеніе это должно быть законмѣрное. Подданный долженъ повиноваться велѣніямъ органовъ власти лишь настолько, насколько велѣнія эти согласны съ закономъ. Каждый отдѣльный органъ государственной власти имѣетъ власть лишь въ предѣлахъ закона. Разъ онъ переступаетъ эти границы, дѣйствуетъ въ нарушеніе закона, велѣнія его не могутъ быть ни для кого обязательны. Государственная власть пришла бы сама съ собою въ противорѣчіе, если бы требовала повиновенія и незаконнымъ распоряженіямъ своихъ органовъ. Съ другой стороны, нельзя, конечно, cadaго отдѣльнаго подданнаго дѣлать судьей законности дѣйствій органовъ государственной власти. Это значило бы поставить повиновеніе власти въ зависимость отъ измѣнчивыхъ субъективныхъ мнѣній, лишить его вовсе обязательнаго характера. Нельзя точно такъ же всякое распоряженіе, только потому, что оно исходитъ отъ органа власти, признавать безусловно законнымъ. Государственныя учрежденія состоятъ изъ тѣхъ же людей, подверженныхъ ошибкамъ и увлеченіямъ. Поэтому, вполне возможны и заурядъ встрѣчаются случаи дѣйствительнаго злоупотребленія властью. Къ тому же, организація, болѣею частью единоличная, административныхъ органовъ, чаще всего сталкивающихся съ частными лицами, не представляетъ достаточнаго обезпеченія противъ возможности подобныхъ случаевъ. Рѣшителемъ сомнѣній относительно законности распоряженій органовъ государственной власти можетъ быть только судъ, призванный

¹⁾ Саксонск. 1831, § 30 и 38; Вюртемб., § 23; Итал. 1848, § 25; Аргент. 1860 § 21; Уругвай, 1829, § 145; Парагвай, 1870, § 30; Болив., 1871, § 28.

вообще охранять въ государствѣ господство закона и въ самой организаціи своей представляющій гарантіи безпристрастнаго рѣшенія всѣхъ споровъ о правѣ

§ 52. Права монарха.

Права монарха, какъ субъекта государственнаго отношенія, опредѣляются тѣмъ, что онъ есть глава государства. Въ его рукахъ видимымъ образомъ сосредоточиваются всѣ различные элементы государственной власти. Онъ имѣетъ право участвовать въ распоряженіи всѣми проявленіями государственной власти. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что въ монархіи ни одинъ актъ государственной власти не совершается помимо или противъ воли монарха. Не всегда власть монарха безгранична. Въ конституціонной монархіи онъ раздѣляетъ свою власть съ народнымъ собраніемъ. Но будетъ ли монархъ абсолютнымъ или ограниченнымъ властителемъ, онъ все-таки имѣетъ право участвовать такъ или иначе во всѣхъ проявленіяхъ государственной власти, что и придаетъ ему значеніе главы и сосредоточія всей государственной дѣятельности. Функція исполненія во всѣхъ монархіяхъ всецѣло ввѣряется монарху. Функція суда и законодательства не предоставляются ему такъ всецѣло. Однако, судъ отправляется во всѣхъ монархіяхъ не иначе, какъ отъ имени монарха, имъ назначенными судьями и осуществляетъ право помилованія. Законы, въ рѣшительномъ большинствѣ монархій ограниченныхъ, издаются съ утвержденія монарха. Только Англія и Норвегія представляютъ исключенія. Кромѣ того, право представлять государство, какъ цѣлое во внѣшнихъ и внутреннихъ его отношеніяхъ, принадлежитъ всегда монарху.

Поэтому, нельзя признать правильнымъ опредѣленіе нѣкоторыхъ конституцій, что монархъ глава исполнительной власти ¹⁾. Такъ какъ функція монарха никогда не ограничиваются однимъ исполненіемъ законовъ, а, напротивъ, объемлютъ въ той или другой степени всѣ функція государственной власти, то правильнѣе, какъ это дѣлаютъ другія конституціи, обозначать монарха, какъ главу государства ²⁾. Даже нѣкоторыя республиканскія конституціи держатся такого обозначенія для президента ³⁾.

¹⁾ Голландская, § 54; Бельгійская, § 29; Баденская, § 5; Испанская, § 50; Норвежская, § 3; Румынская, § 35.

²⁾ Баварская, § 11; Саксонская, § 4; Вюртембергская, § 4; Греческая, § 32; Португальская, § 71.

³⁾ Чили, § 59; Коста-Рика, § 95; Гватемала, декретъ 1876 г., § 1.

Но права президента существенно отличаются от прав монарха. Не говоря уже о томъ, что права его делегированы отъ народа, а не самостоятельны, какъ у монарха, участіе президента въ законодательствѣ весьма ограничено, и законы въ республикѣ могутъ быть издаваемы даже вопреки прямо выраженной волѣ президента, и потому ни въ какомъ смыслѣ нельзя сказать, чтобы президенту принадлежала и законодательная власть.

Итакъ, монарху, какъ главѣ государства, принадлежитъ обыкновенно право участія въ распоряженіи всѣми проявленіями государственной власти. Въ конституціонной монархіи онъ связанъ въ осуществленіи этого права соучастіемъ парламента. Въ монархіи абсолютной онъ осуществляетъ свое право, не ограничиваемый въ томъ ничѣмъ другими правами.

Но, конечно, и абсолютный монархъ не можетъ самъ непосредственно осуществлять всю полноту принадлежащей ему по праву власти, во всѣхъ ея частныхъ проявленіяхъ; это было бы совершенно непосильно для одного человѣка. Разрѣшеніе лично монархомъ всѣхъ мелкихъ текущихъ дѣлъ государственнаго управленія только отвлекало бы его отъ надлежащаго внимательнаго отношенія къ важнѣйшимъ вопросамъ внѣшней и внутренней политики. Къ этому присоединяется еще и необходимость для цѣлесообразнаго осуществленія отдѣльныхъ задачъ управленія разнообразныхъ техническихъ знаній, которыя не могутъ совмѣститься въ одномъ лицѣ. Все это приводитъ къ необходимости и для абсолютнаго монарха поручать осуществленіе значительнѣйшей части принадлежащей ему власти подчиненнымъ органамъ, имъ же самимъ учреждаемымъ. Отсюда получается противоположеніе сферы непосредственной дѣятельности монарха и сферы подчиненнаго управленія. Хотя въ неограниченной монархіи государю принадлежитъ безраздѣльно вся полнота власти, но непосредственно, лично онъ осуществляетъ лишь нѣкоторую долю этой власти. Вотъ эта сфера непосредственнаго функционированія монарха и составляетъ въ тѣсномъ смыслѣ слова сферу правъ монарха. Объемъ непосредственныхъ правъ монарха представляется существенно различнымъ въ области законодательства, управленія и суда. Всего шире эти права въ сферѣ законодательства; всего уже—въ сферѣ суда. Сфера управленія занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто.

Съ этимъ различіемъ сферы непосредственныхъ правъ монарха и сферы подчиненнаго управленія не слѣдуетъ смѣшивать вопросъ о степени ограниченности власти монарха. И въ ограниченной монархіи, гдѣ законодательная власть монарха ограни-

чена соучастіемъ народнаго собранія, законодательство относится всецѣло къ сферѣ непосредственной дѣятельности монарха. Хотя конституціонный монархъ осуществляетъ лишь весьма ограниченную законодательную власть, но все-таки осуществляетъ ее всю сполна непосредственно, такъ же какъ и абсолютный монархъ свою неограниченную законодательную власть. Съ другой стороны, хотя въ сферѣ управленія конституціонный монархъ пользуется болѣе самостоятельной властью, нежели въ сферѣ законодательства, значительнѣйшую часть административныхъ функцій онъ передаетъ подчиненнымъ органамъ.

Въ качествѣ главы государства монархъ, прежде всего, пользуется правомъ представленія государства въ его внутреннихъ и внѣшнихъ отношеніяхъ. Другими словами, только монарху принадлежитъ право дѣйствовать отъ имени государства, какъ цѣлаго. Поэтому, монархъ и въ конституціонномъ государствѣ занимаетъ безусловно первое мѣсто, выше всѣхъ другихъ лицъ и учреждений.

Представительство государства во внѣшнихъ его отношеніяхъ заключается въ правѣ вести международныя сношенія, посылать и принимать дипломатическихъ агентовъ, заключать международныя договоры, вступать въ союзы, вести войну и заключать миръ. Эти права монарха въ области международныхъ сношеній подвергаются наименьшимъ ограниченіямъ и въ конституціонныхъ монархіяхъ, вездѣ составляя прерогативу монархической власти. Парламентъ же признается безусловно не имѣющимъ права вступать въ какія-либо сношенія съ иностранными государствами. Даже косвенное вліяніе парламента посредствомъ запросовъ въ примѣненіи къ международнымъ дѣламъ существенно ограничивается, такъ какъ парламентской практикой признано, что дипломатическіе документы сообщаются палатамъ лишь послѣ того, какъ переговоры, къ которымъ они относятся, уже закончены ¹⁾.

Наши основныя законы не упоминаютъ особо о правѣ монарха вести международныя сношенія. Но, конечно, право это объемлется общимъ выраженіемъ ст. 80: „власть управленія“, и проявленіе государственной власти во внѣшнихъ отношеніяхъ всецѣло и исключительно относится къ сферѣ непосредственнаго дѣйствія Верховной власти. Вся рѣшительная власть по дѣламъ международнымъ исключительно осуществляется самимъ Государемъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ съ дипломатическими миссіями является только исполнителемъ его велѣній. Русское законодательство не устанавливаетъ даже для дѣлъ внѣшнихъ, какъ

¹⁾ Todd. Die parlamentarische Regierung, II, S. 517 und. ff.

это оно дѣлаетъ для дѣлъ законодательныхъ, какого-либо опредѣленнаго обязательнаго порядка ихъ предварительнаго разсмотрѣнія. У насъ не существуетъ для обсужденія этихъ дѣлъ даже какого-либо совѣщательнаго учрежденія при монархѣ. Въ учрежденіи государственнаго совѣта ст. 23, п. 6 сказано, что „объявленіе войны, заключеніе мира и другія важныя внѣшнія мѣры“ могутъ подлежать предварительному общему соображенію государственнаго совѣта только по „усмотрѣнію обстоятельствъ“¹⁾. Такимъ образомъ, о передачѣ этихъ вопросовъ на обсужденіе совѣта законъ говоритъ, какъ о дѣлѣ совершенно факультативномъ. И на практикѣ дѣла эти теперь никогда не вносятся ни на обсужденіе совѣта, ни другихъ постоянныхъ совѣщательныхъ учрежденій верховнаго управленія. Порядокъ предварительнаго обсужденія вопросовъ внѣшней политики не опредѣляется никакимъ гласнымъ постановленіемъ и всецѣло зависитъ въ каждомъ данномъ случаѣ отъ благоусмотрѣнія Государя.

Дополненіе. Въ Основныхъ Законахъ изд. 1906 г. приведенной въ текстѣ ст. 80 соответствуетъ ст. 10. Но, кромѣ содержащейся здѣсь общей формулировки правъ монарха въ области управленія, принадлежащее ему право международнаго представительства Россіи оговорено особо. Согласно ст. 10, «Государь Императоръ есть верховный руководитель всѣхъ внѣшнихъ сношеній Россійскаго Государства съ иностранными державами. Имъ же опредѣляется направленіе международной политики Россійскаго Государства». Далѣе: «Государь Императоръ объявляетъ войну и заключаетъ миръ, а равно договоры съ иностранными государствами» (ст. 13).

Что касается порядка предварительнаго обсужденія вопросовъ внѣшней политики, необходимо имѣть въ виду, что вопросы эти не входятъ въ перечень предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію Государственной Думы, на основаніи ст. 31 Учрежд. Госуд. Думы. Но косвеннымъ образомъ парламентъ можетъ войти въ соприкосновеніе съ вопросами внѣшней политики, именно, поскольку послѣдняя нуждается (напр., при заключеніи договоровъ) въ изданіи законовъ или штатовъ, а также въ ихъ измѣненіи, дополненіи и пр., и еще при обсужденіи бюджета. См. Учрежденіе Государственной Думы, ст. 31 п. 1 и 2.

Вслѣдъ за правомъ представительства должно быть поставлено принадлежащее Государю право распоряженія личными и матеріальными силами государства. Право распоряженія личными силами включаетъ въ себѣ: 1) право распоряженія вооруженной силой государства; 2) право назначенія, удаленія, перемѣщенія служащихъ; 3) право пожалованія почетныхъ наградъ и отличій.

Право распоряженія вооруженной силой выражается,

¹⁾ [Съ преобразованіемъ Государственнаго Совѣта въ верхнюю Палату отмѣненъ и цитируемый въ текстѣ законъ.]

прежде всего, въ командованіи войскомъ и флотомъ. Право это предоставляется и конституціоннымъ монархамъ ¹⁾. Только въ португальской конституціи не упомянуто объ этомъ правѣ. Русскому же Императору, какъ неограниченному монарху, принадлежитъ не только высшее командованіе (Полож. воен. мин., ст. 1), но право собственною властью опредѣлять численный составъ военной силы (Уст. воинск. пов., ст. 9, 242, 304). Въ монархіяхъ же конституціонныхъ численный составъ вооруженной силы опредѣляется съ согласія парламента.

Дополненіе. Основные Законы изд. 1906 г. (ст. 14) слѣдующимъ образомъ формулируютъ права монарха въ области управленія арміей и флотомъ: «Государь Императоръ есть Державный Вождь российской арміи и флота. Ему принадлежатъ верховное начальствованіе надъ всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Россійскаго Государства. Онъ опредѣляетъ устройство арміи и флота и издаетъ указы и повелѣнія относительно: дислокаціи войскъ, приведенія ихъ на военное положеніе, обученія ихъ, прохожденія службы чинами арміи и флота и всего вообще относящагося до устройства вооруженныхъ силъ и обороны Россійскаго Государства. Государемъ Императоромъ, въ порядкѣ верховнаго управленія, устанавливаются также ограниченія въ отношеніи права жительства и пріобрѣтенія недвижимаго имущества въ мѣстностяхъ, которыя составляютъ крѣпостные районы и опорные пункты для арміи и флота».

Очевидно, что отнесеніемъ указанныхъ въ этой статьѣ предметовъ къ сферѣ верховнаго управленія они исключаются изъ сферы компетенціи законодательныхъ учрежденій.

Опредѣленіе контингента ежегоднаго набора должно совершаться въ законодательномъ порядкѣ. Но если законъ о числѣ людей, потребномъ для пополненія арміи и флота, не будетъ изданъ къ 1 мая, то указомъ Государя Императора призывается на военную службу необходимое число людей, не свыше, однако, назначеннаго въ предшествующемъ году (Основные Законы, ст. 119).

Лица, принадлежащія къ составу вооруженной силы, занимаютъ въ государствѣ совершенно особое положеніе. Они подчинены особой дисциплинарной власти, особымъ военно-уголовнымъ законамъ, отличающимся особою строгостью, и юрисдикціи особыхъ военныхъ судовъ. Въ гражданскихъ правахъ военно-служащихъ устанавливаются также нѣкоторые ограниченія.

Военное и морское министерства, служащія органами, чрезъ которые Высочайшая воля осуществляется въ примѣненіи къ управленію вооруженной силой государства, занимаютъ нѣсколько особенное сравнительно съ прочими министерствами положеніе.

¹⁾ Итальянская конституція, § 5; греческая, § 32; румынская, § 93; нидерландская, § 58; шведская, § 14; норвежская, § 25; испанская, § 52.

Они находятся въ болѣе непосредственномъ подчиненіи Императору. Дѣла, которыя касаются исключительно военнаго и морского вѣдомствъ и не связаны съ установленіемъ расходовъ для государственнаго казначейства, не вносятся на обсужденіе государственнаго совѣта и комитета министровъ, а по обсужденіи ихъ въ специальныхъ военномъ и адмиралтействъ совѣтѣ восходятъ прямо на Высочайшее уваженіе. Въмѣстѣ съ тѣмъ объемъ непосредственнаго дѣйствія Высочайшей власти по этимъ вѣдомствамъ гораздо шире. Многія распоряженія, которыя по другимъ вѣдомствамъ разрѣшаются властью сената или министровъ, тутъ совершаются не иначе, какъ по Высочайшимъ повелѣніямъ.

Дополненіе. Указанное въ текстѣ изъятіе изъ общаго законодательнаго порядка сохранилось и въ настоящее время, съ учрежденіемъ Государственной Думы и преобразованіемъ Государственнаго Совѣта. Согласно ст. 96 Основ. закл. (изд. 1906 г.) «постановленія по строевой, технической и хозяйственной частямъ, а равно положенія и наказы учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ военнаго и военно-морского вѣдомствъ, по разсмотрѣніи Военнымъ и Адмиралтействъ Совѣтами, по принадлежности, непосредственно представляются Государю Императору, если только сіи постановленія, положенія и наказы относятся собственно къ однимъ упомянутымъ вѣдомствамъ, не касаются предметовъ общихъ законовъ и не вызываютъ новаго расхода изъ казны». Въ противномъ случаѣ требуется предварительное испрошеніе ассигнованія нужнаго кредита, что по общему правилу происходитъ въ законодательномъ порядкѣ.

Равнымъ образомъ сохранилось изъятіе изъ общаго законодательнаго порядка для постановленій по военно-судебной и военно-морской судебной частямъ (Основ. Зак. ст. 97).

Право назначенія, перемѣщенія, увольненія должностныхъ лицъ Императоръ осуществляетъ непосредственно въ отношеніи ко всѣмъ должностямъ первыхъ четырехъ классовъ и къ нѣкоторымъ должностямъ пятого. Назначеніе на должности первыхъ трехъ классовъ совершается по непосредственному избранію Императора; на прочія—по представленію министровъ. Кромѣ лицъ, состоящихъ собственно на государственной службѣ, Высочайшей властью назначаются или утверждаются еще нѣкоторыя должностныя лица земскаго, городского, сословнаго и церковнаго управленія. Таковы предсѣдатели губернскаго земскаго собранія (Полож. земск. учр., ст. 54), столичныя городскія головы (Город. полож., ст. 114), губернскіе предводители дворянства (т. IX, ст. 304), православные, армяно-грегоріанскіе и католическіе епископы, магометанскіе муфтіи и шейхъ-уль-исламы, калмыцкія ламы (Уст. инов. испов., ст. 1675).

Пожалованіе почетныхъ наградъ есть исключительное

право Императора и осуществляется во всѣхъ случаяхъ имъ непосредственно ¹⁾. Исключеніе изъ этого правила составляетъ лишь утвержденіе въ первомъ классномъ чинѣ департаментомъ герольдіи и право главнокомандующаго въ военное время производить въ чины до капитана арміи включительно и награждать орденами св. Станислава 3-й и 2-й степеней, св. Анны 4-й, 3-й и 2-й степеней, св. Владиміра 4-й степени и св. Георгія 4-й степени; этимъ орденомъ не иначе, какъ по статуту и по удостоенію думы изъ наличныхъ георгіевскихъ кавалеровъ. Кромѣ чиновъ и орденовъ, наградами служатъ: Высочайшее благоволеніе, пожалованія званій: статсъ-секретаря, генераль-адъютанта, флигель-адъютанта, придворныхъ званій, почетныхъ титуловъ (князя, графа, барона), дворянства, почетнаго гражданства, аренды, подарки отъ Высочайшаго имени, медали, вафты.

Императоръ есть гроссмейстеръ всѣхъ російскихъ орденовъ, которыхъ у насъ довольно много, и большинство изъ нихъ подраздѣляются на нѣсколько степеней. Въ порядкѣ старшинства, начиная съ младшаго, они даются въ такой послѣдовательности: Анны 4 степени (только военнымъ), Станислава 3, Анны 3, Станислава 2, Анны 2, Владиміра 4, Владиміра 3, Станислава 1, Анны 1, Владиміра 2, Бѣлаго Орла, Александра Невскаго и Александра Невскаго же съ брилліантовыми украшеніями. Высочайшее благоволеніе, чины тайнаго совѣтника, ордена св. Владиміра 1 степени и св. Андрея Первозваннаго даются только по непосредственному Высочайшему усмотрѣнію. Старшинства между ними не установлено, и хотя обыкновенно орденъ св. Андрея дается послѣ всѣхъ другихъ орденовъ, но иногда и Владиміръ 1 дается послѣ Андрея Первозваннаго; всѣ другія награды по представленію министровъ.

Право распоряженія матеріальными силами государства включаетъ въ себѣ права финансоваго хозяйства и принудительнаго отчужденія частной собственности. Въ конституціонныхъ монархіяхъ право монарха собирать налоги, заключать займы и расходовать средства государственнаго казначейства на потребности управленія ограничено участіемъ парламента, согласіе котораго необходимо для составленія государственнаго бюджета. Въ этомъ правѣ парламента вотировать бюджетъ и заключается главное основаніе вліянія парламента на управленіе государствомъ. Опираясь на это право, англійскій парламентъ завоевалъ себѣ преобладающее значеніе.

¹⁾ Правила объ испрошеніи Высочайшихъ наградъ, 1 авг. 1898 г. Собр. Узак. 1898 г., ст. 1167.

Русскій императоръ, какъ монархъ неограниченный, свободно распоряжается средствами государства, устанавливаетъ налоги, собираетъ ихъ и расходуетъ. Но и у насъ для составленія росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ и вообще всѣхъ общихъ финансовыхъ распоряженій примѣняется тотъ же порядокъ, какъ и для изданія законовъ. Проекты всѣхъ финансовыхъ мѣръ восходятъ на Высочайшее уваженіе не иначе, какъ чрезъ государственный совѣтъ.

Дополненіе. Согласно дѣйствующимъ Основнымъ Законамъ, какъ для проекта государственной росписи доходовъ и расходовъ, такъ и для ассигнованій, росписью не предусмотрѣнныхъ, для установленія налоговъ и т. п. требуется въ принципѣ одобреніе Государственного Совѣта и Государственной Думы. О бюджетныхъ правахъ этихъ учреждений см. томъ II.

Въ дѣятельности своей, направленной къ осуществленію отдѣльныхъ задачъ управленія, государственная власть нерѣдко встрѣчаетъ необходимость во что бы ни стало воспользоваться имуществомъ, составляющимъ частную собственность. Если нельзя добиться отъ собственника добровольной уступки его имущества, прибѣгаютъ къ принудительному отчужденію или такъ называемой экспроприаціи, впрочемъ не иначе, какъ подъ условіемъ полного и предварительнаго возмѣщенія собственнику цѣны отчуждаемаго отъ него имущества. Особенно часто такого рода надобность въ экспроприаціи имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ недвижимымъ имуществамъ, какъ болѣе трудно замѣняемымъ одно другимъ въ силу того, что самое мѣсто нахождения ихъ можетъ обуславливать потребность въ данномъ именно участкѣ земли. Наше законодательство, по общему правилу, допускаетъ какъ принудительное отчужденіе, такъ и временное занятіе недвижимости не иначе, какъ съ особаго на каждый частный случай Высочайшаго разрѣшенія въ формѣ именного указа, издаваемого по предварительномъ разсмотрѣніи дѣла въ государственномъ совѣтѣ (т. X, ч. I, ст. 576). Но отъ этого общаго правила имѣются и изыятія. Во-первыхъ, именнымъ указомъ 10 февраля 1886 года (И. С. З. 3506) установлено общее признаніе допустимости экспроприаціи для надобностей православныхъ церквей, молитвенныхъ собраній, кладбищъ, причтовъ и школъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Во-вторыхъ, безъ особаго Высочайшаго повелѣнія принудительно занимаютъ земли подъ лагерное расположеніе войскъ и саперныя работы (Уст. земск. повин., ст. 416—419). Принудительное отчужденіе движимостей, напр., для цѣлей военныхъ (реквизиціи, потравы при маневрахъ) или са-

нитарныхъ (умерщвление зачумленного свота) разрѣшается органами подчиненнаго управленія.

Право законодательства принадлежитъ русскому Императору, какъ неограниченному монарху, всецѣло, безъ всякихъ ограниченій. Онъ не раздѣляетъ его ни съ какимъ другимъ установленіемъ. Лишь для предварительнаго, ни въ чемъ его не связывающаго обсуждения законопроектовъ учрежденъ государственный совѣтъ, личный составъ котораго, къ тому же, вполне зависитъ отъ Императора. Такимъ образомъ, законодательство составляетъ исключительное и непосредственное право монарха. Ст. 51 Осн. Зак. гласитъ, что „никакое мѣсто или правительство въ государствѣ не можетъ само собою установить новаго закона, и никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія Самодержавной власти“. Этому не противорѣчитъ право подчиненныхъ органовъ, сената, министровъ, губернаторовъ, земскихъ собраній, думы издавать общія обязательныя постановленія, иногда содержащія въ себѣ и юридическія нормы. Всѣ эти постановленія не имѣютъ равнаго значенія съ закономъ. Они имѣютъ силу лишь подъ условіемъ не противорѣчія ихъ закону и, въ отличіе отъ закона, обозначаются именемъ указовъ (*Verordnung, décret, ordonnance*).

Дополненіе. Объемъ права законодательства, принадлежащаго Императору, въ настоящее время иной, благодаря конституціонному ограниченію его власти, послѣ манифеста 17 октября 1905 г. и актовъ 20 февраля 1906 г. Общее начало дѣйствующаго права по данному вопросу выясняется изъ ст. 86 Осн. Зак. (изд. 1906 г.), гласящей, что «никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора» и ст. 7: «Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою». Инициатива пересмотра основныхъ законовъ принадлежитъ исключительно Монарху (ст. 8).

Въ противоположность законодательству, отправленіе правосудія не осуществляется монархомъ непосредственно. Со времени введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ Александра II правосудіе отправляется и у насъ особыми судебными установленіями, отправляющими правосудіе отъ имени монарха, но не по непосредственнымъ его указаніямъ, а на основаніи изданныхъ имъ общихъ законовъ. И сами судебныя установленія не могутъ представлять подлежащія ихъ вѣдѣнію дѣла, въ случаѣ сомнѣній, на разрѣшеніе Высочайшей власти. Всѣ судебныя установленія, говорится въ ст. 9 Устава гражд. судопр., обязаны рѣшать дѣла по точному разуму дѣйствующихъ законовъ, а въ случаѣ ихъ не-

полноты, неясности, недостатка или противорѣчія, основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ. Воспрещается, добавляетъ ст. 10, останавливать рѣшеніе дѣла подѣ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ. Точно такое же правило содержать и ст. 12 и 13 Уст. угол. судопр.

Но отправление правосудія самостоятельными, опирающимися только на законъ судебными установленіями не составляетъ безусловно общаго правила. Прежде всего, Судебные Уставы Александра II и до сихъ поръ введены еще не повсемѣстно ¹⁾. А судебныя дѣла, производящіяся въ старыхъ судебныхъ установленіяхъ, могутъ восходить на Высочайшее уваженіе и, такимъ образомъ, входить въ сферу непосредственнаго дѣйствія Верховной власти. Затѣмъ, новыя судебныя установленія вѣдаютъ только гражданскіе и уголовные иски. Иски административные, возникающіе изъ незаконныхъ дѣйствій административныхъ властей, подлежатъ вѣдѣнію перваго департамента, откуда дѣла могутъ при извѣстныхъ условіяхъ переходить въ государственный совѣтъ и, слѣдовательно, на разрѣшеніе Высочайшей власти. Наконецъ, въ области уголовного правосудія и по новымъ судебнымъ уставамъ Верховная власть сохранила нѣкоторыя непосредственныя функціи. Отъ Высочайшей власти зависитъ, во-первыхъ, преданіе суду должностныхъ лицъ первыхъ трехъ классовъ и губернаторовъ по закону 1898 г. Во-вторыхъ, переговоры о лишеніи дворянства чиновъ и орденовъ или духовнаго сана приводятся въ исполненіе не иначе, какъ съ Высочайшаго утвержденія (Уст. угол. суд. ст. 945). Въ третьихъ, Верховной власти принадлежитъ право помилованія въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, т.-е. право смягчать наложенныя судомъ наказанія, вовсе освобождать отъ нихъ и также освобождать отъ самаго уголовного преслѣдованія (Уст. угол. суд., ст. 945 и 16, п. 4) ²⁾. Всѣ ходатайства о помилованіи какъ суда, такъ и самихъ осужденныхъ восходятъ на Высочайшее уваженіе по доводу министра юстиціи, за исключеніемъ ходатайствъ о лицахъ, судившихся въ военныхъ и морскихъ судахъ, которыя докладываются

¹⁾ [Въ настоящее время дореформенныя судебныя учрежденія упразднены повсемѣстно.]

²⁾ [Въ Основныхъ Законахъ изд. 1906 г. (ст. 23) принадлежащее монарху право помилованія формулировано слѣдующимъ образомъ: Государю Императору принадлежатъ помилованіе осужденныхъ, смягченіе наказаній и общее прощеніе совершившихъ преступныя дѣянія съ прекращеніемъ судебного противъ нихъ преслѣдованія и освобожденіемъ ихъ отъ суда и наказанія.]

соответственно военнымъ министромъ и управляющимъ морскимъ министерствомъ. Въ монархіяхъ конституціонныхъ право помилованія, принадлежащее королю, подвергается различнымъ ограниченіямъ. Такъ, вообще для освобожденія отъ уголовного преслѣдованія или такъ называемой амністіи недостаточно королевскаго распоряженія, а требуется законодательный актъ. Въ Голландіи король можетъ помиловать осужденнаго не иначе, какъ по выслушаніи мнѣнія о томъ высшаго суда. Въ Швеціи право помилованія осуществляется по выслушаніи королемъ мнѣнія, если наказаніе не выше трехлѣтняго заключенія, судьи, рѣшившаго дѣло; въ дѣлахъ же болѣе важныхъ — мнѣнія высшаго суда (Hoog Raad) ¹⁾.

Изъ дѣлъ собственно управленія въ сферу непосредственной компетенціи монарха входятъ лишь дѣла, не могущія быть разрѣшенными силою существующихъ законовъ или по самому своему существу не подлежація общей законодательной регулировкѣ или, наконецъ, требующія принятія чрезвычайныхъ мѣръ.

Дополненіе. Сдѣланная въ послѣднемъ абзацѣ краткая характеристика сферы непосредственной компетенціи Монарха не вполне соответствуетъ основнымъ законамъ, изданнымъ послѣ манифеста 17-го октября 1905 г.

Согласно ст. 10, власть управленія, принадлежащая Государю, дѣйствуетъ непосредственно въ сферѣ верховнаго управленія. Принципъ обязательной законности актовъ верховнаго управленія установленъ въ слѣдующей, 11-й ст.: «Государь Императоръ, въ порядкѣ верховнаго управленія, издастъ, въ соответствіи съ законами, указы для устройства и приведенія въ дѣйствіе различныхъ частей государственнаго управленія, а равно повелѣнія, необходимыя для исполненія законовъ».

§ 53. Права и обязанности подданныхъ.

Объемъ политическихъ правъ подданныхъ прямо обусловленъ формой государственнаго устройства. Въ непосредственныхъ республикахъ граждане имѣютъ самостоятельное, производное право непосредственнаго участія въ распоряженіи государственною властью въ формѣ непосредственнаго народнаго собранія или референдума, факультативнаго, или обязательнаго и народной инициативы и право избранія и назначенія народныхъ представителей и должностныхъ лицъ. Въ республикахъ представительныхъ граждане пользуются самостоятельно только правомъ избранія. Правами непосредственнаго участія въ распоря-

¹⁾ Шведская конституція, § 66.

женіи государственной властью они пользуются не самостоятельно, а только въ силу избранія ихъ согражданами въ народные представители и въ силу назначенія правительствомъ въ должность. Въ монархіи ограниченной и право назначенія народныхъ представителей и должностныхъ лицъ ограничивается для нихъ правомъ монарха, обыкновенно назначающаго членовъ верховной палаты и всегда назначающаго должностныхъ лицъ.

Существованіе политическихъ правъ у подданныхъ въ неограниченной монархіи можетъ возбудить сомнѣніе. Разъ абсолютный монархъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю полноту государственной власти и распоряжается ею, ничѣмъ и никѣмъ не ограничиваемый, то могутъ ли при такихъ условіяхъ у подданныхъ оказаться какія-либо права на участіе въ распоряженіи государственной властью? Сомнѣнія эти, однако, нельзя признать основательными. Какъ мы уже видѣли, и абсолютный монархъ не можетъ самъ лично осуществлять всѣ разнообразныя функціи государственной власти. Значительнѣйшую ихъ часть онъ, по необходимости, передаетъ подчиненнымъ органамъ. И органы эти не могутъ быть только пассивными исполнителями велѣній монарха. Монархъ не можетъ не только исполнить всѣхъ своихъ рѣшеній, но не можетъ точно такъ же и самъ всѣ рѣшать. Громадное большинство дѣлъ рѣшается подчиненными органами безъ того даже, чтобы монархъ зналъ о нихъ. Поэтому подчиненные органы, безъ сомнѣнія, не только исполняютъ пассивно распоряженія монарха, но и сами распоряжаются опредѣленною долею власти. А всѣ подчиненные органы состояются изъ подданныхъ, которые, такимъ образомъ, получаютъ и въ абсолютной монархіи нѣкоторое участіе въ распоряженіи государственной властью, хотя бы только въ качествѣ назначаемыхъ правительствомъ должностныхъ лицъ. Но, кромѣ того, и въ абсолютной монархіи составъ государственныхъ учрежденій можетъ быть не чисто профессиональный, а включать въ себѣ и элементъ представительный. Въ такомъ случаѣ политическія права подданныхъ еще болѣе расширяются.

Мы видѣли, что права монарха состоятъ частью въ правѣ непосредственнаго распоряженія властью, частью въ правѣ назначенія органовъ, осуществляющихъ власть. Подобно этому и политическія права подданныхъ распадутся на права непосредственнаго участія въ распоряженіи государственной властью и права избранія представителей. Но, кромѣ этихъ двухъ видовъ правъ, подданнымъ принадлежатъ еще,

такъ сказать, пассивныя права, не права назначенія или избранія, а права быть назначеннымъ или избраннымъ. Относительно юридической природы такой пассивной квалификаціи въ литературѣ государственнаго права существуетъ сомнѣніе — можно ли ее признать за права въ субъективномъ смыслѣ? Такъ именно Еллинекъ утверждаетъ, что такъ называемыя права избираемости и поступленія на государственную службу суть въ дѣйствительности не субъективныя права, а лишь рефлексивное дѣйствіе юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ порядокъ назначенія на должности или порядокъ выборовъ ¹⁾. Едва ли можно согласиться съ такимъ взглядомъ. Право избираемости можетъ найти защиту прямо судебнымъ искомъ, и не только, какъ это думаетъ Еллинекъ, со стороны уже избраннаго, законность избранія котораго оспаривается въ силу предполагаемаго отсутствія у него пассивнаго избирательнаго права, а также со стороны всякаго не внесеннаго въ кандидатскіе списки. Особенность этихъ пассивныхъ правъ заключается въ томъ, что возможность осуществленія ихъ, возможность для субъекта ихъ извлечь изъ нихъ для себя какую-либо выгоду обусловлена дѣйствіемъ другихъ лицъ. Но въ этомъ нѣтъ ничего несообразнаго съ понятіемъ субъективнаго права. И активное избирательное право даетъ его субъекту возможность осуществить посредствомъ него свои интересы только подъ условіемъ, что голосъ его окажется принадлежащимъ къ большинству. Иначе это будетъ голое право, не представляющее никакого практическаго значенія, не дающее возможности на дѣлѣ кого-либо избрать. Такой же характеръ имѣетъ и право голоса члена всякой вообще коллегіи. Имѣя право рѣшительнаго голоса, онъ еще не можетъ самъ по себѣ рѣшить ни одного вопроса, подлежащаго вѣдѣнію коллегіи. Его голосомъ опредѣлится или нѣтъ рѣшеніе коллегіи, смотря по тому, сколько голосовъ согласится съ нимъ. То же самое представляютъ и права избираемости или назначаемости. Я имѣю право быть избраннымъ или назначеннымъ, но для того, чтобы быть дѣйствительно избраннымъ или назначеннымъ, я долженъ получить опредѣленное число голосовъ или быть назначеннымъ компетентной на то властью.

Право есть возможность, обусловленная соотвѣтственною обязанностью; подъ такое опредѣленіе вполне подходятъ права избираемости и назначаемости, такъ какъ они представляютъ собою возможность быть избраннымъ или назначеннымъ обусловленною обязанностью избирать и назначать только лицъ, имѣющихъ на то право.

¹⁾ Jellinek. System der subjektiven öffentlichen Rechte, 1892, S. 134.

Итакъ, по степени своей интенсивности политическія права подданныхъ могутъ быть подраздѣлены на три группы: 1) права избираемости и назначаемости, 2) права избранія и 3) права непосредственнаго участія въ распоряженіи властью.

Что касается пассивныхъ правъ назначаемости и избираемости, то сюда относится, прежде всего, право поступленія на государственную службу вообще, затѣмъ право быть назначеннымъ на нѣкоторыя особыя должности мѣстнаго управленія и право избираемости въ члены мѣстныхъ органовъ самоуправления и органовъ суда.

Право поступленія на государственную службу получаетъ у насъ особенное значеніе, такъ какъ при нашемъ государственномъ устройствѣ государственная служба является единственной формой участія подданныхъ въ общей политической жизни страны. Въ государствахъ конституціонныхъ лица, стремящіеся къ политической дѣятельности, избираютъ для этого не служебную, а парламентскую карьеру. Избраніе въ члены парламента отрываетъ возможность участія въ законодательствѣ, въ разрѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ государственнаго хозяйства, вліянія на внѣшнюю и внутреннюю политику правительства. Мало того, тамъ и во главѣ управленія въ качествѣ министровъ стоятъ не лица, прошедшія бюрократическую карьеру, а тѣ же парламентскіе дѣятели. Совершенно иные условія у насъ. При отсутствіи общаго политическаго представительства, всѣ важнѣйшіе вопросы государственной жизни разрѣшаются у насъ монархомъ при исключительномъ содѣйствіи учреждений, всецѣло состоящихъ изъ лицъ, выдвинувшихся на государственной службѣ. Не только должности министра, но и мѣста членовъ высшихъ совѣщательныхъ учреждений при монархѣ достигаются у насъ исключительно службою, гражданской или военной. Правда, законъ ничѣмъ не ограничиваетъ свободу выбора членовъ государственнаго совѣта или комитета министровъ. Но, при отсутствіи всякаго участія общества въ политической жизни, нигдѣ, кромѣ службы, нельзя пріобрѣсти необходимую для государственной дѣятельности опытность, нигдѣ нельзя выдвинуться, проявить свои политическія дарованія. Поэтому, самою силою вещей выборы лицъ, призываемыхъ къ руководящей роли въ государственномъ управленіи, неизбежно замыкается узкой сферой наличнаго служебнаго персонала. Поэтому, правомъ поступленія на службу опредѣляется у насъ и доступъ къ политической дѣятельности.

Законодательство, опредѣляющее условія поступленія на гражданскую службу, до сихъ поръ опирается на начало сословности.

Право поступленія на государственную службу прибрѣтается или происхожденіемъ, или образованіемъ. По происхожденію имѣютъ это право: 1) дворяне, 2) сыновья личныхъ дворянъ, 3) сыновья лицъ, состоявшихъ на гражданской службѣ, хотя бы канцелярскими служителями или курьерами, имѣющими право на получение класснаго чина; 4) сыновья священнослужителей христіанскихъ исповѣданій и церковно-служителей православнаго и армяно-грегоріанскаго исповѣданій; 5) сыновья уѣздныхъ, приходскихъ и домашнихъ учителей; 6) сыновья художниковъ и ученыхъ, и 7) сыновья бѣлошвейниковъ и купцовъ-христіанъ, пробывшихъ въ первой гильдіи сряду не менѣе 12 лѣтъ. Лица, не имѣющія права поступленія на службу по происхожденію, прибрѣтаютъ это право образованіемъ, именно высшимъ или окончаніемъ курса средняго учебнаго заведенія съ отличіемъ. Но ограниченіе права государственной службы въ настоящее время значительно поколеблено ¹⁾. Во-первыхъ, предоставлено право поступленія на службу и независимо отъ условій происхожденія по нѣкоторымъ вѣдомствамъ, напримѣръ, учебному, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, а особенно отдаленныхъ. Во-вторыхъ, для военной и морской службы сословныя ограниченія съ введеніемъ общей воинской повинности совершенно уничтожены. А это имѣетъ значеніе не для состава только одной вооруженной силы, а и для всѣхъ государственныхъ учрежденій, потому что военнослужащіе у насъ могутъ переходить свободно въ гражданскую службу съ переименованіемъ въ соотвѣтствующій гражданскій чинъ.

Однихъ условій происхожденія или образованія недостаточно для полученія права государственной службы. къ нимъ еще присоединяются условія пола — требуется непременно мужской полъ, возраста — не менѣе 16 лѣтъ, и гражданской чести. Заключение въ тюрьму отъ восьми мѣсяцевъ и всѣ высшія наказанія влекутъ за собой лишеніе права поступленія на государственную службу.

Для нѣкоторыхъ должностей установлены особыя спеціальныя условія назначаемости. Основаніемъ ихъ можетъ служить или обезпеченіе со стороны служащихъ нарочитой подготовки, или стремленіе соединить въ лицахъ, замѣщающихъ извѣстныя должности, качество профессиональнаго чиновника съ качествомъ представителя общественныхъ интересовъ. Спеціальныя условія первой группы имѣютъ часто техническое значеніе и всецѣло относятся къ ученію объ организаціи отдѣльныхъ государственныхъ учре-

¹⁾ [См. дополн. на стр. 413.]

жений. Специальные условия второй группы имѣютъ болѣе общее политическое значеніе. У насъ такого рода условия назначаемости установлены для должности земскаго начальника. Законодательство наше придаетъ этому должностному лицу, съ одной стороны, значеніе непосредственнаго органа правительственной власти и для того устанавливаетъ замѣщеніе этой должности по назначенію отъ правительства, съ другой—стремится сдѣлать изъ земскаго начальника лицо, которое для мѣстнаго общества не было бы чужимъ, а явилось бы представителемъ интересовъ уѣзда. Съ этою цѣлью назначенными на должность земскаго начальника могутъ быть, по общему правилу, только лица, принадлежащія къ мѣстному дворянству уѣзда.

Права избираемости, кромѣ сословныхъ выборовъ, о которыхъ уже было говорено, находятъ себѣ примѣненіе, по нашему законодательству, только при выборахъ мѣстныхъ, земскихъ и городскихъ и при выборахъ присяжныхъ засѣдателей и мировыхъ судей ¹⁾.

Относительно мѣстныхъ выборовъ наше законодательство держится того правила, что избираемыми въ гласные могутъ быть только избиратели, и при томъ даже только избиратели, принадлежащіе къ той именно группѣ избирателей, гдѣ производится выборы (Пол. земск. учр., ст. 38; Гор. пол., ст. 43). Этимъ постановленіемъ въ значительной степени ограничивается свобода выборовъ.

Право избираемости въ присяжные засѣдатели представляетъ ту особенность, что оно есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и обязанность принять избраніе. Избранный въ присяжные засѣдатели не можетъ отказаться отъ избранія, развѣ онъ уже исполнялъ обязанности присяжнаго въ предшествующемъ году (Учр. суд. уст., ст. 104). Это объясняется тѣмъ, что хотя право быть присяжнымъ засѣдателемъ предоставляется довольно широкому кругу лицъ, но постановленіе уголовного приговора должно быть всегда дѣломъ опредѣленнаго и при томъ по жребію выбраннаго числа присяжныхъ. Вотъ почему пользованіе правомъ участія въ отправленіи уголовного правосудія невозможно поставить въ зависимость отъ усмотрѣнія отдѣльныхъ лицъ. Тогда бы легко могло случиться, что для рѣшенія даннаго дѣла не оказалось бы достаточнаго комплекта присяжныхъ. Къ тому же, обсужденіе судебныхъ дѣлъ, въ прямое отличіе отъ дѣлъ законодательныхъ,

¹⁾ [Въ настоящее время также при выборахъ членовъ Государственной Думы и Государственного Совѣта.]

неудобно предоставлять лицам, наиболее въ нихъ заинтересованнымъ. Въ законодательствѣ это приводитъ къ тому, что въ обсужденіи законопроектовъ участвуютъ какъ разъ болѣе интересующіяся ими и потому болѣе знающія, болѣе подготовленныя къ тому лица. Въ отправленіи правосудія это привело бы къ рѣшенію дѣлъ лицами, лично заинтересованными въ дѣлѣ, въ судьбѣ подсудимаго или въ успѣхѣ обвиненія, и потому не могущими съ должнымъ безпристрастіемъ обсудить дѣло.

Избранными въ присяжные засѣдатели могутъ быть: 1) лица всѣхъ вообще сословій, обладающія опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ, и 2) лица сельскаго состоянія, занимавшія не менѣе трехъ лѣтъ опредѣленныя должности. Имущественный цензъ допускается въ двухъ различныхъ формахъ: или въ формѣ владѣнія недвижимостью опредѣленнаго размѣра, или въ формѣ получения опредѣленнаго минимума дохода. Недвижимость должна или равняться $\frac{1}{20}$ того количества десятинъ, какое требуется для непосредственнаго участія въ выборахъ земскихъ гласныхъ, или представлять цѣнность въ столицахъ не менѣе — 2.000 рублей, въ городахъ, насчитывающихъ болѣе 100.000 жителей — не менѣе 1.000 рублей, а въ прочихъ мѣстахъ — не менѣе 500 руб. Получаемый доходъ долженъ быть въ столицахъ не менѣе 1.000, въ городахъ съ населеніемъ болѣе 100.000 — не менѣе 600 руб., а въ прочихъ мѣстахъ — не менѣе 400 рублей. Должности, занятіе которыхъ даетъ лицамъ сельскаго состоянія право быть избранными въ присяжные засѣдатели, суть должности волостныхъ старшинъ и судей и сельскихъ старостъ и соотвѣтствующія имъ должности другихъ наименованій (Учр. суд. уст., ст. 84). Но и лица, удовлетворяющія одному изъ перечисленныхъ условій, не могутъ быть избираемы въ присяжные засѣдатели, если они: 1) состоятъ подъ слѣдствіемъ или судомъ или подвергались заключенію въ тюрьмѣ или иному болѣе строгому наказанію, или, бывъ подъ судомъ за преступленія, обложенны такими наказаніями, въ нихъ не оправданы; 2) исключены изъ службы по суду или изъ духовнаго вѣдомства за пороки или изъ сословныхъ обществъ; 3) объявлены несостоятельными или расточителями; 4) слѣпы, глухи, нѣмы, лишены разсудка; 5) впали въ крайнюю бѣдность или состоятъ домашней прислугой (ст. 82); 6) не умѣютъ читать и говорить по-русски; 7) жительствоуютъ въ данномъ уѣздѣ менѣе двухъ лѣтъ, и 8) имѣютъ отъ роду менѣе 25 или болѣе 70 лѣтъ (ст. 81).

Для избранія въ мировые судьи также требуется опредѣленный цензъ, но гораздо высшій, и при томъ въ одной только

формъ — въ формѣ владѣнія недвижимою. Требуется именно, чтобы само избираемое лицо, его родители или жена владѣли на правѣ собственности количествомъ земли вдвое противъ того, какое требуется для непосредственнаго участія въ избраніи земскихъ гласныхъ, или другою недвижимою, цѣною не менѣе 15.000 рублей, а въ городахъ недвижимою, опфенною для взиманія налога, въ столицахъ — не менѣе 6.000 рублей, въ другихъ городахъ — не менѣе 3.000 рублей. Относительно возраста установленъ лишь одинъ предѣлъ, низшій, и притомъ тотъ же самый, какъ и для присяжныхъ — 25 лѣтъ. Образовательный цензъ также значительно выше, чѣмъ для присяжныхъ: требуется не простая грамотность, а, по крайней мѣрѣ, среднее образование, могущее, впрочемъ, быть замѣненнымъ прослуженіемъ не менѣе трехъ лѣтъ въ должностяхъ, дающихъ практическую опытность въ производствѣ судебныхъ дѣлъ (ст. 19). Относительно гражданской чести и дѣеспособности тѣ же условія, что и для присяжныхъ засѣдателей (ст. 21).

Активное избирательное право, кромѣ сословныхъ выборовъ, примѣняется у насъ только въ мѣстныхъ выборахъ, земскихъ и городскихъ ¹⁾. Въ законодательствѣ и центральномъ управленіи выборное представительство у насъ вовсе не существуетъ. А представители общества въ составѣ судебныхъ учреждений, присяжные засѣдатели, сословные представители, выборные мировые судьи, гдѣ они еще сохранились, избираются не непосредственно населеніемъ, а различными коллегіями. Сословные представители присоединяются въ составу судебной палаты и особаго присутствія сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Сословными представителями служатъ губернскій и уѣздный предводители, городской голова и волостной старшина. Въ судебную палату они призываются самой палатой по очереди, по списку, представляемому палатѣ соответствующими губернаторами. (Уст. уг. суд., ст. 1049, 1050). Сословные представители въ сенатѣ назначаются на каждый годъ Высочайшею властью (ст. 1061 ⁴⁾). Присяжные засѣдатели избираются особой комиссіей, состоящей, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, изъ уѣзднаго члена окружнаго суда, земскихъ начальниковъ, городскихъ судей, уѣзднаго исправника, полиціе-мейстера, предсѣдателя уѣздной управы, городского головы, товарища прокурора окружнаго суда и изъ особыхъ членовъ, назначаемыхъ ежегодно уѣзднымъ земскимъ собраніемъ въ числѣ не менѣе трехъ (Учр.

¹⁾ [Ср. прим. на стр. 607.]

суд. уст., ст. 97). Мировые судьи существуют и избираются теперь только въ столицахъ и въ Одессѣ — городскими думами (ст. 24 и 40).

Избирательныя права въ городскихъ и земскихъ выборахъ въ общемъ опредѣляются одними и тѣми же началами. И тутъ, и тамъ главнымъ условіемъ избирательнаго права служить имущественный цензъ, и при томъ требуется владѣніе имъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе года. Возрастомъ, именно двадцатипятилѣтнимъ, и поломъ, мужескимъ, обуславливается не самое избирательное право, а только возможность личнаго его осуществленія. За женщинъ и лицъ, не достигшихъ 25 лѣтъ, владѣющихъ установленнымъ цензомъ, голоса на выборахъ подаютъ ихъ представители. Лица совершеннолѣтнія сами назначаютъ этихъ представителей; представителями несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ являются ихъ попечители и опекуны. Женщины могутъ уполномочивать на участіе въ выборахъ только своихъ отцовъ, мужей, сыновей, зтей, внуковъ, родныхъ братьевъ и племянниковъ. Избирательное право предоставляется не только физическимъ, но также и юридическимъ лицамъ, владѣющимъ имущественнымъ цензомъ. Юридическія лица участвуютъ въ выборахъ также чрезъ назначаемыхъ имъ представителей. Образовательнаго ценза не требуется никакого. Отрицательныя условія не такъ строги, какъ для избранія въ присяжные засѣдатели или мировые судьи. Изъ несостоятельныхъ должниковъ лишаются избирательнаго права не все, а только признанные злостными или неосторожными; несчастные это право сохраняютъ. Ограниченіе также вліяніе судебного преслѣдованія. Избирательнаго права лишаются только состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ, или уже осужденные. Освобожденные отъ суда безъ оправданія, напр., всемилостивѣйшимъ манифестомъ, сохраняютъ право на участіе въ выборахъ. Кромѣ того, состояніе подъ судомъ или осужденіе влечетъ за собою лишеніе избирательнаго права лишь въ томъ случаѣ, если оно относится къ преступленіямъ, влекущимъ наказанія, связанные съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ или предусмотрѣннымъ ст. 169—177 мирового устава, т.-е. къ кражѣ и мошенничеству. Но, съ другой стороны, избирательнаго права лишаются не только исключенные изъ службы, но также, въ теченіе трехъ лѣтъ, и отрѣшенные отъ должности. Не могутъ также участвовать въ выборахъ исключенные за пороки изъ духовнаго состоянія и изъ сословныхъ обществъ и состоящіе подъ гласнымъ полицейскимъ надзоромъ (Пол. земск. учр., ст. 27; Город. пол., ст. 33).

Но на ряду съ этимъ сходствомъ въ основныхъ условіяхъ

права участія въ земскихъ и городскихъ выборахъ, имѣются въ нихъ и довольно существенныя различія. Во-первыхъ, право участія въ городскихъ выборахъ обставлено совершенно одинаковыми условіями для лицъ всѣхъ сословій безразлично. Для земскихъ же выборовъ установлены совершенно особыя условія участія въ нихъ лицъ сельскаго состоянія. Избирательное право крестьянъ не обставлено почти никакими ограничительными условіями: ни имущественнымъ цензомъ, ни возрастомъ, ни даже поломъ. Требуется только быть домохозяиномъ, главой семьи. Но зато тутъ для избранія земскихъ гласныхъ примѣняется сложная, двухстепенная система выборовъ. Крестьяне-домохозяева избираютъ членовъ только волостного схода, а уже на волостномъ сходѣ происходитъ избраніе кандидатовъ въ гласные отъ крестьянъ.

Другое существенное различіе въ условіяхъ участія въ городскихъ и земскихъ выборахъ заключается въ различіи требуемаго имущественнаго ценза. Для участія въ земскихъ выборахъ требуется непременно владѣніе на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія недвижимостью; право участія въ городскихъ выборахъ даетъ не только владѣніе недвижимостью, но и содержаніе торгово-промышленныхъ заведеній. Затѣмъ цензъ, установленный для земскихъ выборовъ, значительно выше ценза, установленнаго для городскихъ. Для непосредственнаго участія въ земскихъ выборахъ требуется владѣніе недвижимостью цѣною не менѣе 15.000 рублей или опредѣленнымъ количествомъ десятинъ земли, различнымъ для различныхъ мѣстностей, но, во всякомъ случаѣ, не меньшимъ 125 десятинъ, а въ многоземельныхъ мѣстностяхъ доходящимъ и до 800 десятинъ. Для участія въ городскихъ выборахъ требуется владѣніе недвижимостью, цѣною не менѣе 3.000 или 1.500, или 1.000, или даже всего 300 рублей, смотря по населенности и значенію города, или содержаніе торгово-промышленнаго заведенія, требующаго выборки гильдейскаго свидѣтельства и только въ столицахъ непременно первой гильдіи. Зато, съ другой стороны, въ земскихъ выборахъ участвуютъ и не владѣющіе полнымъ цензомъ чрезъ избираемыхъ отъ нихъ особенныхъ уполномоченныхъ. Въ городскихъ же выборахъ такого косвеннаго участія мелкихъ собственниковъ не установлено. Мелкіе собственники, не владѣющіе полнымъ цензомъ, могутъ избирать уполномоченныхъ для участія въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, если владѣютъ не менѣе какъ $\frac{1}{10}$ полного ценза. Но въ избраніи этихъ уполномоченныхъ не могутъ участвовать женщины, хотя бы и черезъ представителей, а только мужчины, сами владѣющіе $\frac{1}{10}$ ценза.

Самостоятельное право непосредственного распоряженія государственною властью принадлежит у насъ, какъ и во всѣхъ монархiяхъ, одному только монарху. Подданные могутъ имѣть лишь производныя права участiя въ распоряженiи властью: или въ силу правительственнаго назначенiя на должность самимъ монархомъ, или по его уполномочiю подчиненными органами, или въ силу избранiя своими согражданами, избирательныя права которыми предоставляются также властью монарха. Поэтому, о правѣ непосредственнаго участiя въ распоряженiи государственною властью намъ придется говорить въ особенной части при разсмотрѣнiи устройства отдѣльныхъ государственныхъ учреждений.

Вмѣстѣ съ правами участiя въ распоряженiи государственной властью подданные несутъ обязанность подчиненiя ей. Подчиненiе это выражается, какъ мы уже знаемъ, въ повиновенiи распоряженiямъ власти и въ содѣйствiи ея дѣятельности. Въ курсѣ государственнаго права невозможно войти въ ближайшее разсмотрѣнiе этихъ обязанностей по ихъ содержанию. Каждое законодательное постановленiе, устанавливающее право подданныхъ, устанавливаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и соотвѣтствующiя обязанности и, конечно, предполагаетъ исполненiе этихъ обязанностей, слѣдовательно, повиновенiе своимъ велѣнiямъ. Такимъ образомъ, для разсмотрѣнiя въ частности содержанiя обязанностей, налагаемыхъ на подданныхъ, потребовалось бы изложенiе всего законодательства страны. Насколько обязанность содѣйствiя выражается въ платежѣ налоговъ, разсмотрѣнiе ея составляетъ спеціальнiй предметъ финансоваго права, гдѣ обязанность платежа налоговъ разсматривается въ связи съ общей организацiей государственнаго хозяйства. Содѣйствiе личными услугами выражается въ разнообразныхъ обязательныхъ дѣйствiяхъ, какъ дѣятельность свидѣтеля, эксперта, обязательная служба по выборамъ, и т. п. дѣйствiяхъ, не имѣющихъ между собой ничего общаго и могущихъ быть надлежащимъ образомъ понятыми только въ связи съ изученiемъ организацiи тѣхъ учреждений, содѣйствiе дѣятельности которыхъ составляетъ ихъ содержанiе. Только одна воинская повинность, служащая основой организацiи вооруженной силы государства, имѣетъ самостоятельное значенiе и потому требуетъ особаго разсмотрѣнiя, что и будетъ сдѣлано въ слѣдующемъ параграфѣ.

Здѣсь же мы ограничимся лишь выясненiемъ внѣшнихъ границъ обязанности подчиненiя государственной власти. Въ чемъ именно долженъ подчиняться подданный власти — это выясняется по различiю содержанiя подчиненiя въ различныхъ

юридических наукахъ. Но каковы вообще предѣлы должнаго подчиненія власти—это вопросъ государственнаго права.

Мы видѣли, что съ развитіемъ государственной жизни осуществленіе государственной власти получаетъ все болѣе и болѣе правомѣрный характеръ. Потому подчиненіе подданныхъ государственной власти представляется не безусловнымъ, а правомѣрнымъ. Такъ какъ государство есть юридическое отношеніе и взаимное соотношеніе его участниковъ опредѣляется юридическими нормами, то и предѣлы подчиненія подданныхъ власти обусловливаются согласіемъ его съ дѣйствующими въ государствѣ юридическими нормами. Подданный долженъ подчиняться велѣніямъ органовъ власти лишь настолько, насколько велѣнія эти согласны съ закономъ, правомѣрны. Каждый отдѣльный органъ государственной власти имѣетъ власть лишь въ предѣлахъ закона. Разъ въ своихъ распоряженіяхъ онъ переступаетъ эти границы, дѣйствуетъ въ нарушеніе закона, велѣнія его не могутъ быть признаваемы обязательными для подданныхъ. Государственная власть стала бы сама съ собой въ противорѣчіе, если бы требовала отъ подданныхъ подчиненія и незаконнымъ распоряженіямъ своихъ органовъ. Законъ есть выраженіе воли государственной власти. Принуждать къ исполненію незаконныхъ распоряженій значило бы принуждать къ тому, что противорѣчитъ собственной волѣ государства, что самою властью признается несправедливымъ, неразумнымъ, вреднымъ. Признаніе обязательности и незаконныхъ распоряженій органовъ власти приводило бы къ замѣнѣ начала законности въ государственной жизни господствомъ ничѣмъ не регулируемаго произвола.

Это безспорное само по себѣ положеніе, логически вытекающее изъ понятія государства, какъ юридическаго отношенія, находитъ себѣ выраженіе и въ постановленіяхъ нашего законодательства. Ст. 1 Осн. Зак., говоря, что „повиноваться Верховной власти не только за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ“, тѣмъ самымъ указываетъ на нравственное основаніе подчиненія власти ¹⁾. „За страхъ“ можно повиноваться и произволу; „за совѣсть“ — только законной, правомѣрной власти. Въ ст. 47 ²⁾ законность выставляется, какъ общее основное начало, опредѣляющее порядокъ управленія Россійской Имперіей. Ко всему этому и въ постановленіяхъ уголовного законодательства, устанавливающихъ наказуемость неповиновенія и со-

¹⁾ [Ср. ст. 4 Осн. Зак. изд. 1906 г.]

²⁾ [Цитируемой статьѣ соотвѣтствуетъ ст. 84 Осн. Зак. изд. 1906 г.]

противленія органамъ власти, законность ихъ распоряженій и дѣйствій выставляется, какъ необходимое условіе наказуемости неповиновенія и сопротивленія (Мир. уст., ст. 29; Улож. о наказ., ст. 270—272).

Признавая обязательность однихъ только законныхъ распоряженій органовъ власти, нельзя, однако, каждаго отдѣльнаго подданнаго дѣлать судьей законности дѣйствій власти. Это значило бы поставить подчиненіе власти въ зависимость отъ измѣнячивыхъ и разнообразныхъ субъективныхъ мнѣній, лишить его вовсе обязательнаго характера. Человѣкъ всегда склоненъ счесть незаконнымъ всякое распоряженіе, для него стѣснительное, неудобное, непріятное, и потому не признавать себя обязаннымъ ему подчиняться. Но, съ другой стороны, нельзя точно такъ же всякое распоряженіе, только потому, что оно исходитъ отъ органа власти, признавать безусловно законнымъ. Государственныя учрежденія состоятъ изъ тѣхъ же людей, подверженныхъ ошибкамъ, увлеченіямъ, страстямъ. Должностныя лица легко могутъ увлечься излишнею ревностью къ службѣ и въ своихъ требованіяхъ нарушить предписанія закона. Устанавливаемые закономъ границы власти, обязательныя формы дѣятельности, права подданныхъ — все это можетъ часто представляться должностному лицу тягостнымъ стѣсненіемъ, мѣшающимъ только осуществленію возложенной на него задачи. Поэтому вполне возможны и заурядъ встрѣчаются случаи дѣйствительнаго злоупотребленія властью.

Компетентнымъ рѣшителемъ возникающихъ споровъ о законности распоряженій органовъ власти можетъ быть только судъ, задача котораго и состоитъ именно въ разрѣшеніи всякихъ споровъ о правѣ, и самая организація котораго представляетъ всѣ необходимыя гарантіи безпристрастнаго и правильнаго ихъ рѣшенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, невозможно требовать, чтобы органы государственной власти тотчасъ же приостанавливали свои дѣйствія до разсмотрѣнія дѣла судомъ, какъ только заинтересованными лицами будетъ возбуждено сомнѣніе въ законности распоряженій власти. При такомъ порядкѣ заявлялись бы нарочно самыя безсмысленныя возраженія противъ несомнѣнно законныхъ распоряженій для того только, чтобы вызвать проволочку, затянуть дѣло, а между тѣмъ, во многихъ случаяхъ распоряженія власти не допускаютъ промедленія, требуютъ неотложнаго осуществленія. Поэтому, всегда и вездѣ за органами власти признается право дѣйствовать и принуждать къ исполненію своихъ требованій, не останавливаясь предъ каждымъ возбужденнымъ сомнѣніемъ въ законности ихъ дѣйствій и не дожидаясь непремѣнно

предварительнаго разрѣшенія этихъ сомнѣній судомъ. Но зато, съ другой стороны, и за подданными признается право не исполнять незаконныхъ распоряженій власти, въ томъ смыслѣ, что признанная впослѣдствіи судомъ незаконность распоряженій служить основаніемъ освобожденія отъ отвѣтственности за оказанное неповиновеніе власти.

Наказуемость простого неисполненія незаконныхъ требованій органовъ власти стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Но не всегда подданный можетъ оградить свои права противъ незаконныхъ дѣйствій органовъ такимъ пассивнымъ неповиновеніемъ. Оно достаточно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда органъ власти ограничивается одними незаконными требованіями. Когда же онъ самъ совершаетъ незаконныя дѣйствія, нарушающія права подданнаго, пассивное неповиновеніе не достигаетъ цѣли. Тутъ является необходимость уже въ активномъ неповиновеніи или сопротивленіи.

Вопросъ о допустимости сопротивленія противъ незаконныхъ дѣйствій органовъ власти представляется спорнымъ. Нѣкоторые, считая несогласимымъ допустимость сопротивленія хотя бы и незаконнымъ дѣйствіямъ органовъ власти съ господствомъ мирнаго государственнаго порядка, съ авторитетомъ государственной власти, съ принадлежностью ей исключительнаго права принужденія, отвергаютъ безусловно допустимость такого сопротивленія. Таково, напр., мнѣніе Л. Штейна и Градовскаго. Невозможно, однако, признать такой взглядъ правильнымъ. Имъ совершенно подрывается начало законности. Допустить только одно пассивное неповиновеніе незаконнымъ распоряженіямъ и считать активное неповиновеніе безусловно наказуемымъ, значитъ признать, что только въ своихъ требованіяхъ органы власти должны считаться съ постановленіями закона, собственно же въ дѣйствіяхъ своихъ они могутъ нарушать законъ, и для подданныхъ все-таки сохраняется обязанность подчиненія. Но какъ мы уже говорили, это привело бы къ той несообразности, что государство обязалось бы принуждающимъ своихъ подданныхъ къ подчиненію незаконнымъ, т.-е. самимъ же государствомъ запрещеннымъ, дѣйствіямъ своихъ органовъ. Безусловное отрицаніе допустимости сопротивленія незаконнымъ распоряженіямъ органовъ власти, надо думать, сложилось лишь вслѣдствіе того, что въ политической литературѣ право сопротивленія незаконнымъ дѣйствіямъ органовъ власти долгое время смѣшивали съ правомъ на возстаніе, приводящимъ, конечно, къ разрушенію всякаго государственнаго порядка. Такое смѣшеніе получается неизбежно, какъ только „незаконность“ мы станемъ понимать въ смыслѣ

несогласія съ требованіями религіи, нравственности, отвлеченной справедливости. Лишь при такомъ пониманіи незаконности можно говорить о сопротивленіи незаконнымъ дѣйствіямъ не только подчиненныхъ органовъ власти, но и самой Верховной власти. Но въ основу юридической конструкціи нельзя власть такого неопредѣленного пониманія законности. Подъ законностью юристъ можетъ разумѣть согласіе не съ какими-нибудь отвлеченными принципами, а только съ дѣйствующимъ въ данномъ государствѣ положительнымъ правомъ. Поэтому, все, что предписано закономъ, законно состоявшимся судебнымъ рѣшеніемъ или правительствомъ въ предѣлахъ предоставленной ему закономъ дискреціонной власти, должно быть признано законнымъ. Законнымъ должно считаться также, независимо отъ его матеріальной справедливости, каждое дѣйствіе, заключающееся въ исполненіи окончательнаго, не подлежащаго дальнѣйшему обжалованію постановленія власти, или хотя бы и подлежащаго обжалованію, но такого, которому закономъ усвоено предварительное исполненіе. При такомъ пониманіи законности незаконными могутъ оказаться только распоряженія подчиненныхъ органовъ власти, а сопротивленіе имъ, конечно, еще не ведетъ къ разрушенію государственнаго порядка.

Допущеніе сопротивленія незаконнымъ дѣйствіямъ органовъ власти исполнѣ согласимо съ признаніемъ за государствомъ исключительнаго права на принужденіе, если только сопротивленіе это будетъ допущено лишь въ условіяхъ необходимой обороны. Какъ необходимая оборона противъ незаконнаго нападенія частныхъ лицъ не противорѣчитъ нисколько монополизациі принужденія государствомъ, такъ точно ей не противорѣчитъ и необходимая оборона противъ незаконныхъ дѣйствій органовъ власти. Государство допускаетъ тутъ осуществленіе принужденія подданными только потому, что оно при данныхъ условіяхъ не можетъ быть осуществлено органомъ власти.

Изъ того, что сопротивленіе незаконнымъ дѣйствіямъ органовъ власти допускается лишь въ общихъ условіяхъ дозволенной обороны, вытекаютъ извѣстныя ограниченія допустимости сопротивленія. Во-первыхъ, сопротивленіе допускаемое только какъ необходимая оборона, должно строго ограничиваться однимъ противо-дѣйствіемъ незаконнымъ дѣйствіямъ и отнюдь не должно переходить въ принужденіе органовъ власти къ исполненію ихъ законныхъ обязанностей. Во-вторыхъ, обороняться можно только противъ такихъ дѣйствій, которыя имѣютъ характеръ прямого нападенія на личность или имущество подданнаго. Сопротивленія же такимъ дѣйствіямъ, какъ, напр., обнародованіе правитель-

ственных распоряжений, хотя бы и незаконных, нѣкимъ образомъ не можетъ быть подведено подъ понятіе необходимой обороны. Отсюда ясно, что право сопротивленія не можетъ найти себѣ примѣненія въ отношеніи къ представителямъ Верховной власти да и вообще къ высшимъ рѣшающимъ органамъ, такъ какъ они сами не приводятъ въ исполненіе принудительнымъ путемъ своихъ постановленій, и ихъ дѣйствія не могутъ потому принять характера прямого нападенія на права подданнаго. Наконецъ, въ-третьихъ, оборона имѣетъ мѣсто лишь, пока длится самое нападеніе. Всякое насиліе подданнаго въ отношеніи органа власти, хотя бы только-что совершившаго незаконное посягательство на права подданнаго, должно быть признано противозаконнымъ.

Въ русскомъ законодательствѣ нѣтъ особаго указанія на допустимость необходимой обороны противъ дѣйствій органовъ власти. Но такъ какъ ст. 101 Улож. о нак. говоритъ объ оборонѣ совершенно общимъ образомъ, не опредѣляя, отъ кого исходить неправомерное посягательство, то надо признать, что необходимая оборона допускается у насъ противъ всякаго незаконнаго дѣйствія, хотя бы и дѣйствія органа власти. Къ этому присоединяютъ еще и тотъ доводъ, что ст. 71 воинск. устава о наказ. говоритъ о непримѣнимости общихъ правилъ объ оборонѣ къ отношеніямъ между подчиненными и начальствомъ въ войскѣ. Эта спеціальная оговорка сингулярнаго закона доказываетъ общую примѣнимость необходимой обороны во всѣхъ другихъ случаяхъ ¹⁾.

§ 54. Воинская повинность.

Дѣйствующій Уставъ о воинской повинности 1 января 1874 г. устанавливаетъ общую воинскую повинность, падающую на всѣхъ подданныхъ безъ различія состояній ²⁾. „Защита престола и отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго“ (Уст. воинск. пов., ст. 1). Начало общности воинской повинности проводится нашимъ законодательствомъ очень послѣдовательно. Прежде всего, безусловно не допускается ни денежный выкупъ, ни замѣна охотниками (ст. 2). Затѣмъ, если нѣ-

¹⁾ Таганцевъ. Лекціи, в. II, стр. 574.

²⁾ [Начало всеобщей воинской повинности внесено и въ Основные Законы изд. 1906 г. См. ст. 70: „Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго. Мужское населеніе, безъ различія состояній, подлежитъ воинской повинности согласно постановленіямъ закона“.]

которыя лица и не подлежат отбыванію воинской повинности, то изъятія эти не имѣютъ характера льготъ, привилегій.

Не привлекаются къ отбыванію воинской повинности только тѣ, которыхъ почему-либо неудобно привлечь. Такъ, во-первыхъ, не допускаются къ отбыванію воинской повинности лишенные всѣхъ или особенныхъ правъ состоянія (ст. 13). Съ достоинствомъ военной службы признается несогласнымъ допущеніе въ нее такихъ лицъ. Во-вторыхъ, население нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностей и нѣкоторыя инородческія племена, по условіямъ ихъ быта и по политическимъ соображеніямъ, признано также неудобнымъ привлекать къ отбыванію воинской повинности. Поэтому вовсе не подлежатъ воинской повинности: 1) все вообще население Туркестанскаго края и 2) инородческое население степныхъ областей (ст. 42). Мусульманское население Терской и Кубанской областей и Закавказья и инородцы Ставропольской губерніи, вмѣсто отбыванія воинской повинности, платятъ особый налогъ (ст. 43). Въ-третьихъ, религіозныя соображенія дѣлаютъ недопустимымъ отбываніе воинской повинности священнослужителями христіанскихъ исповѣданій (ст. 79). Такъ какъ религіозное ученіе менонитовъ не дозволяетъ ношеніе оружія, то менониты отбываютъ у насъ воинскую повинность въ мастерскихъ морского вѣдомства, въ пожарныхъ командахъ, въ особыхъ подвижныхъ командахъ лѣсного вѣдомства, имѣющихъ назначеніемъ разведеніе лѣсовъ на югѣ Россіи (ст. 179, прилож.).

Отбывающіе воинскую повинность не всѣ отбываютъ ее одинаковымъ порядкомъ. Кромѣ общаго Устава о воинской повинности, существуетъ еще нѣсколько сингулярныхъ уставовъ. На основаніи особыхъ правилъ отбываютъ воинскую повинность: 1) казаки, 2) население Финляндіи, 3) инородцы Астраханской, Архангельской, Тобольской и Томской губерній, Иркутскаго и Приамурскаго генералъ-губернаторствъ, и 4) население нѣкоторыхъ мѣстностей Сибири, перечисленныхъ въ ст. 40. Независимо отъ этого различія самыхъ правилъ отбыванія повинности, лица, получившія определенное образованіе, могутъ отбывать воинскую повинность по своему выбору или по жребію, или въ качествѣ вольноопредѣляющихся.

Вооруженныя силы Россіи состоятъ, кромѣ казачьихъ войскъ и войскъ, образуемыхъ изъ инородцевъ, изъ войскъ постоянныхъ и ополченія, созываемаго лишь въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ военнаго времени (ст. 5) и состоящаго изъ всего не числящагося въ постоянныхъ войскахъ, но способнаго носить оружіе мужского населенія, отъ 20 до 43-лѣтняго воз-

раста включительно (ст. 324). Постоянные вооруженные силы состоятъ изъ войскъ сухопутныхъ и морскихъ (ст. 6). Сухопутныя—изъ армій, пополняемой ежегодно наборами людей со всей имперіи и запаса армій, служащаго для приведенія войскъ въ полный составъ, и состоящей изъ людей, уволенныхъ до выслуги полного срока службы (ст. 7). Подобнымъ же образомъ морскія силы слагаются изъ дѣйствующихъ командъ и запаса флота (ст. 8).

Ежегодно къ отбыванію воинской повинности призываются всѣ, не изъятые отъ нея, лица мужескаго пола, которымъ къ 1 января призывнаго года минуло 20 лѣтъ отъ роду (ст. 11). Но не всѣ эти лица поступаютъ въ составъ постоянныхъ войскъ, а лишь потребное для пополненія арміи и флота число, опредѣляемое ежегодно законодательнымъ порядкомъ (ст. 9). Всѣ остальные зачисляются прямо въ ополченіе вмѣстѣ съ уже отбывшими службу въ постоянныхъ войскахъ. Кто именно изъ лицъ призывнаго возраста и годныхъ къ службѣ долженъ быть зачисленъ на службу въ постоянныхъ войскахъ, опредѣляется жребіемъ (ст. 10), но не безусловно, такъ какъ законъ устанавливаетъ въ этомъ отношеніи льготы по семейному положенію и притомъ трехъ разрядовъ. Первый разрядъ составляютъ: 1) единственные способные къ труду сыновья при отцѣ, къ труду неспособномъ, или при матери вдовѣ; 2) единственные способные къ труду братья при братьяхъ или сестрахъ круглыхъ сиротахъ; 3) единственные способные къ труду внуки при дѣдѣ или бабушкѣ, не имѣющихъ способнаго къ труду сына; 4) единственные сыновья, и 5) незаконнорожденные, на попеченіи которыхъ находится мать, не имѣющая другихъ способныхъ къ труду сыновей, или сестра, или братъ, неспособный къ труду. Ко второму разряду относятся единственно способные къ труду сыновья при отцѣ, также способномъ къ труду, или при братьяхъ, къ труду неспособныхъ, а къ третьему—лица, непосредственно слѣдующія по возрасту за братомъ, находящимся по призыву на дѣйствительной службѣ, или умершимъ на оной, или же безвѣстно пропавшимъ на войнѣ (ст. 49). На службу въ постоянныхъ войскахъ зачисляются по порядку номеровъ вынутыхъ ими жребіевъ сначала лица, не пользующіяся вовсе льготой по семейному положенію, затѣмъ, когда такихъ окажется недостаточно, имѣющія льготу третьяго разряда, потомъ втораго и лишь послѣ того—перваго (ст. 168).

Мы сказали, что призыву подвергаются всѣ, кому къ 1 января призывнаго года минуло 20 лѣтъ. Но нѣкоторымъ лицамъ законъ предоставляетъ право отсрочить явку къ отбыванію во-

инской повинности. Отсрочкой пользуются именно: 1) недостаточно возмужалые и больные—не болѣе, какъ на два года (ст. 47); 2) лица, управляющія лично своими имѣніями, торговыми или промышленными заведеніями для устройства дѣлъ также не болѣе, какъ на 2 года (ст. 60); 3) воспитанники учебныхъ заведеній и лица, оставленные при нихъ для дальнѣйшаго усовершенствованія—не долѣе достиженія 28 лѣтъ отъ роду (ст. 61).

Общій срокъ службы въ постоянныхъ войскахъ сухопутныхъ—18 лѣтъ (ст. 17), и въ морскихъ—10 лѣтъ (ст. 18). Изъ этого времени дѣйствительной службы полагается въ сухопутныхъ войскахъ—5 лѣтъ, а во флотѣ—7 лѣтъ ¹⁾. Остальной срокъ службы отбывается въ запасѣ. Таково общее правило. Но нѣкоторые лица зачисляются прямо въ запасъ, а именно: 1) врачи, ветеринары, пансіонеры Академіи художествъ, отправленные за границу, и преподаватели учебныхъ заведеній—въ запасъ арміи на 18 лѣтъ (ст. 80), и 2) шкипера и штурмана морского плаванія, инженеръ-механики, управляющіе судовой машиной, лоцмана и лоцманскіе ученики—въ запасъ флота на 10 лѣтъ (ст. 82). Кромѣ того, извѣстное образованіе даетъ право на сокращеніе срока дѣйствительной службы. Получившіе образованіе не ниже курса шести классовъ гимназіи остаются на дѣйствительной службѣ всего 2 года; получившіе образованіе не ниже четырехъ классовъ гимназіи—3 года, и получившіе образованіе не ниже курса начальныхъ народныхъ училищъ—4 года, а при назначеніи во флотъ—6 лѣтъ (ст. 64).

Все связанное относится къ отбыванію воинской повинности по жребію. Лица, получившія образованіе не ниже курса шести классовъ гимназіи или выдержавшія особое испытаніе по программѣ, устанавливаемой соглашеніемъ военнаго министра съ министромъ народнаго просвѣщенія и притомъ не бывшія осужденными за кражу или мошенничество или подвергнутыми наказанію, сопряженному съ лишеніемъ права поступать на государственную службу, и не состоящія подъ судомъ или слѣдствіемъ, могутъ отбыть воинскую повинность въ качествѣ вольноопре-

¹⁾ [Закономъ 26 апрѣля 1906 г. (о сокращеніи срока дѣйствительной службы въ сухопутныхъ войскахъ и во флотѣ) срокъ дѣйствительной службы въ сухопутныхъ войскахъ опредѣленъ: 1) для принятыхъ въ части пѣхоты и пѣшей артиллеріи—въ 3 года и 2) для принятыхъ въ части войскъ всѣхъ прочихъ родовъ оружія—въ 4 года; во флотѣ—въ 5 лѣтъ. Срокъ службы въ запасѣ 1-го разряда—7 лѣтъ; въ запасѣ 2-го разряда, для служившихъ на дѣйствительной службѣ 3 года—8 лѣтъ, а для прочихъ—6 лѣтъ. Срокъ службы въ запасѣ флота—5 лѣтъ. (Ст. 17, 17¹, 17², 18).]

дѣляющихся. Вольноопредѣляющимся можно поступать по достижении 17 лѣтъ (ст. 193, 194). Срокъ дѣйствительной службы сокращается для вольноопредѣляющихся, окончившихъ по крайней мѣрѣ шесть классовъ гимназій, до одного года, а для сдавшихъ особое испытаніе—до двухъ лѣтъ, послѣ чего они могутъ перейти въ запасъ, гдѣ состоятъ 12 лѣтъ (ст. 195). Во флотъ вольноопредѣляющимися могутъ поступать только получившіе высшее образованіе (ст. 209). На дѣйствительной службѣ они обязаны пробыть 2 года и въ запасѣ 12 лѣтъ (ст. 210). Въ гвардію и кавалерію вольноопредѣляющіеся принимаются, но только на собственномъ иждивеніи, въ другихъ войскахъ—по желанію (ст. 198). Содержащимъ себя на собственные средства дозволяется жить на вольныхъ квартирахъ (ст. 199, 216).

Лица, состоящія въ запасѣ, призываются на дѣйствительную службу въ случаѣ необходимости привести армію и флотъ въ усиленный противъ мирнаго времени составъ Высочайшимъ указомъ Сенату (ст. 265).

Лица, состоящія въ государственномъ ополченіи, именуются ратниками и дѣлятся на два разряда. Въ первомъ разрядѣ состоятъ лица, зачисленные въ ополченіе при увольненіи изъ запаса, и тѣ изъ зачисленныхъ прямо въ ополченіе, которыя не пользуются льготой перваго разряда по семейному положенію и признаны при призывѣ вполне годными къ военной службѣ, а во второмъ—все остальные (ст. 326, 176). Государственное ополченіе втораго разряда предполагается только для образованія особыхъ ополченныхъ частей и созывается не иначе, какъ Высочайшими манифестами; ополченіе же перваго разряда предназначается какъ для образованія ополченныхъ частей, такъ и для усиленія и пополненія постоянныхъ войскъ, въ случаѣ истощенія или недостатка запаса, и созывается Высочайшими указами Сенату (ст. 328). Призывъ ратниковъ совершается по порядку возрастовъ, начиная съ младшаго, и по порядку номеровъ жеребьевъ (ст. 334, 335).

Финляндскій законъ 27 декабря 1878 года въ общемъ опирается на тѣ же основанія въ опредѣленіи воинской повинности, какъ и общій русскій уставъ. Главная особенность финляндскаго законодательства въ томъ, что оно устанавливаетъ распределеніе по жребію призываемыхъ къ отбыванію повинности не между постоянными войсками и ополченіемъ, а между дѣйствительной службой и запасомъ. Вынувшіе далекіе нумера зачисляются не въ ополченіе, а въ запасъ. Призывной возрастъ въ Финляндіи выше: не 20 лѣтъ, а 21 годъ. Срокъ службы

короче: всего восемь лѣтъ. Изъ нихъ 3 года дѣйствительной службы и 2 года въ запасѣ. Зачисленные прямо въ запасъ остаются тамъ 5 лѣтъ. Пробывшіе положенное число лѣтъ въ запасѣ поступаютъ въ ополченіе, въ которомъ числятся до 40-лѣтняго возраста. Для вольноопредѣляющихся, которые всѣ обязательно содержать себя на собственные средства, срокъ службы трехлѣтній: годъ на дѣйствительной службѣ и два года въ запасѣ. Такимъ образомъ по отбыванію воинской повинности Финляндія несетъ гораздо меньшую тягость, чѣмъ остальная Россія. Къ тому надѣ еще добавить, что призываемые на службу отбываютъ ее непремѣнно въ своей губерніи.

Дополненіе. 29 іюня 1901 г. былъ изданъ Уставъ о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ (помѣщенный въ прил. къ Прогл. 1902 г. Свода Законовъ; т. IV, Уст. Воин. Пов.). Однако, дѣйствіе этого устава приостановлено Высочайшимъ манифестомъ 22 октября 1905 г. («0 жребію къ восстановленію законнаго порядка въ краѣ»).

Болѣе значительныя особенности, но не въ смыслѣ облегченія, представляетъ порядокъ отбыванія воинской повинности казаками. Собственно законодательнымъ порядкомъ изданъ въ 1875 г. особый уставъ о воинской повинности только для одного Донскаго казачьяго войска. Но военному совѣту предоставлено примѣнять тѣ же правила и въ другимъ казачьимъ войскамъ, съ тѣми измѣненіями въ частностяхъ, какія могутъ быть вызваны особыми мѣстными условіями (Уст. воинск. пов., ст. 503).

Воинская повинность казаковъ безсрочная и поголовная. Она безсрочная потому, что въ ополченіи казаки числятся до самой смерти. Она поголовная потому, что годные къ службѣ казаки зачисляются на дѣйствительную службу, такъ что для нихъ не установлено и вынута жребія. Наконецъ, третья существенная особенность въ отбываніи воинской повинности казаками это та, что они отбываютъ ее съ собственнымъ снаряженіемъ и на своихъ лошадяхъ (ст. 415).

Вооруженная сила казачьихъ войскъ слагается изъ служилого состава войскъ и войскового ополченія (ст. 416). Служилый составъ раздѣляется на три разряда: 1) приготовительный, служащій для предварительной военной подготовки; 2) строевой, изъ котораго пополняются выставляемыя войскомъ строевыя части и мѣстныя команды, и 3) запасный, назначаемый для пополненія убыли въ строевыхъ частяхъ въ военное время и для формированія дополнительныхъ частей и командъ (ст. 418). Въ служилый составъ казаки поступаютъ 18 лѣтъ и состоятъ въ

немъ 20 лѣтъ; изъ нихъ въ приговорительномъ разрядѣ 3 года, въ строевомъ 12 и въ запасномъ 5 лѣтъ (ст. 422). Казаки строевого разряда состоятъ или на дѣйствительной службѣ, и тогда находятся постоянно при своихъ частяхъ, или на льготѣ, тогда распускаются по домамъ, но должны быть всегда въ готовности въ исполненію военныхъ обязанностей (ст. 423). Обыкновенно на дѣйствительной службѣ состоятъ 4 года, на льготѣ— 8 лѣтъ.

